

Предисловие

Предисловие к изданию на испанском языке

Это предисловие относится ко второму изданию книги, первому на испанском языке, увидевшему свет в 1978 году.

В силу различных причин первое издание этой книги не смогло появиться на свет на том языке, на котором было написано, и для тех читателей, каким было адресовано. Именно поэтому, перед тем как выйти на своём родном языке, настоящая биография была опубликована в различных переведённых вариантах. Этот факт, где сокровенным образом соединяются общественная и наша собственная жизнь, а также политическая ситуация нашей страны, вынуждает нас предупредить того читателя, которому будет интересно сравнить издание на испанском языке с французским вариантом, так как он, к своему удивлению, прочтёт две книги, достаточно отличающиеся друг от друга. Если это издание на испанском языке не означает заново написанную книгу, мы предупреждаем, что в ней содержится много изменений и новых фактов. Также мы просим всех читателей, незнакомых с изданием на французском и других языках, не удивляться, если они встретят в этой книге факты, обстоятельства и эпизоды, тесно связанные с жизнью главного героя и, возможно, уже описанные в книгах, в более или менее распространённых журналах, специализирующихся на исторических темах. Дело в том, что из-за недостаточной скрупулёзности некоторых писателей — «историков» или «специалистов» - факты, ссылки и документы, связанные с некоторыми событиями и обстоятельствами, были в большей мере взяты из уже упомянутого первого издания на французском языке этой книги; и при этом авторы в основном не утруждали себя указанием на первоначальный источник или, что ещё хуже, намеренно скрыли последнюю. Любопытный читатель сможет оценить, что почти всегда (и если не всегда, то потому, что это было невозможно) мы использовали первоисточники, а не пересказы с чужих слов. С другой стороны, мы извиняемся за изобилие заметок и библиографических ссылок, но предпочли сделать это, так как считаем очень важным указание источников и книг, в частности именно потому, что речь идёт о теме и персонаже, несущих на себе груз неясностей и неправильных трактовок. Таким образом, предупредив читателей и тех, кто изучает эту тему профессионально, мы должны сейчас объяснить причины и мотивы внесения изменений в текст первого французского издания и этого первого издания на испанском языке.

В начале 1962 года мы начали исследование жизни Дуррути, полной активной революционной деятельности и исторического значения, и нас предупредили о тех трудностях, с которыми мы встретимся в нашей работе, но тем не менее нас очень

интересовала его личность — и мы взялись за эту работу с такой мыслью: если не удастся заполнить все пробелы его жизни, проведённые в основном в подполье и тюрьмах, по крайней мере, станет возможно собрать воедино многие из различных разбросанных материалов и с их помощью предоставить достаточно связную версию личности и жизненного пути нашего героя. Думая так, мы начали нашу работу. Терпеливо занялись сбором информации и данных о нашем персонаже. Когда было собрано начальное количество заметок, речей, писем и комментариев, появилось чувство, что наш поиск не принёс ожидаемых результатов, так как, например, одни и те же факты и отношения к фактам были изложены с большей или меньшей страстью. Просеяв собранные материалы через сито размышлений, в результате мы получили очень мало полезных зёрен. Тогда мы поменяли тактику. И там, где изначально думали найти стену молчания, напротив, встретили широкое и горячее понимание. Первыми, кто поделился с нами, были Аурелио Фернандес и Мигель Гарсия Виванкос. Таким образом мы приблизились к очень важной части жизни героя, то есть к периоду 1920-1930 годов, в котором ранее было очень много неясностей. Тем не менее, когда оставалось ещё очень много лакун, нам посчастливилось встретиться с Мануэлем Буенакасой, который познакомил нас с Клементе Мангадо, а тот, в свою очередь, оказался неоценимым свидетелем жизни Дуррути в Сарагосе и его встречи с Франсиско Аскасо. Но это было ещё не всё...

Чем занимался Дуррути до 1921-го, то есть в свои ранние годы? И тут появились рассказы детей Техерина и другого друга детства Буэнавентуры — Флорентина Монроя. И здесь мы уже почувствовали себя уверенно. Эмилианне Моран, жена Дуррути, передала нам адрес Розы Дуррути, которая предоставила нам важнейший материал, принадлежавший её брату или связанный с ним. Для нас это стало настоящим сокровищем. Но как достать это сокровище, если мы сами находились во Франции на положении ссыльных и поехать в Леон было невозможно? Мать Дуррути была ещё жива, но ей было уже 90 лет, и в таком возрасте мы могли потерять её очень быстро. К счастью, один из её внуков взялся за ту работу, которую мы не могли сделать лично, то есть собрать факты детских лет Дуррути. Прошло пять лет — нам удалось собрать много хороших зёрен. Достаточно для того, чтобы начать исследование так называемой «американской экскурсии» Дуррути и его товарищей к землям Нового Света; мы лично затратили около двух годов пути, перед тем как ступить на твёрдую землю. Нам не хватало материала, чтобы осветить события, связанные с Колонной во время Революции. Но тут огромное количество людей, входивших в её состав, очень помогли нам, а именно: Антонио Рода, Рикардо Рионда, Хосе Мира, Николас Бернад, Л. Р. и многие другие. Кроме того, мы располагали фактами со стороны Либерто Каллехаса, Маркоса Алькона, Диего Абада де Сантьян и многих других. Кроме того, был наш собственный опыт вместе с воспоминаниями и комментариями со стороны близких Дуррути людей: Тересы Маргалейф, Хуана Мануэля Молины, Долорес Итурбе, Эмилианне Моран, Берты Фаверт, Фелипе Алаиса, Хосе Пейратса, Федерики Монтсени и многих других.

Таким образом, мы уже были готовы духом к написанию нашей книги-биографии, также рассказывающей о событиях того времени, сливаясь нашими мыслями с Испанией, народом и её революцией. Когда этот труд был закончен, его публикация на испанском языке была маловероятной. Принимая во внимание эти обстоятельства, нам посчастливилось договориться о французском издании. Но Франция — это не Испания, и поэтому текст оригинала необходимо было сократить. Это требование послужило причиной того, что свет

увидели сокращённые варианты настоящей биографии на французском, португальском и английском языках. Такой была судьба этой книги о Дуррути и его эпохе, когда издательство Bruguea из Барселоны предоставило нам возможность издать полную версию этой книги на испанском языке и для наших соотечественников.

Взяв на себя задачу выпустить книгу «Дуррути и вооружённый пролетариат» на испанском языке, мы почувствовали ответственность вернуться к тексту оригинала. Но это было ещё не всё. С 1972 года, когда было опубликовано французское издание, вплоть до 1976-го образ Дуррути продолжал жить и расти в нас самих. Кроме того, мы располагали новыми данными, пояснениями, исправлениями со стороны некоторых лиц, указанных в книге, которые и поныне живы. Всё это заставляло нас вносить некоторые исправления. Вместе с тем следует отметить важную переписку Гарсия Оливера, которая пролила свет на многие события и вопросы и особенно заставила нас лучше почувствовать ту атмосферу, в которой жил наш герой. Наконец, личность Дуррути и та эпоха, в которую он жил, плодотворные на важные и решающие события, заставляют нас прибегать к частым историческим ссылкам. И, наконец, то, что с самого начала представлялось нам трудным, впоследствии удалось. Вся собранная информация и публикации значительно обогатили наше исследование. И всё это, вместе с чувством долга, побудило нас представить книгу на суд публики. Мы не смогли ни ограничиться рамками первого французского издания, ни лишиться читателей всех новых фактов именно в тот момент, когда книга издаётся на нашем языке и может послужить материалом для информации новым поколениям, горящим желанием узнать правду о своём недавнем прошлом. Таким образом, мы сделали выбор: переписать книгу, не предавая ни персонаж, ни историческое исследование, ни добровольные почины многих людей. Несмотря на тот огромный по масштабам сценарий, где проходили жизнь и деятельность Дуррути, мы постарались показать его человеческую личность, пронизанную той постоянной присущей ему страстью, то есть его эпоху, ту общественную среду, из которой он вышел и против которой боролся, горя желанием в корне изменить её. Человек представляется творцом истории и одновременно её произведением. Дуррути, как любой человек, главным достоинством которого является верность себе, не может избежать всеобщего закона для людей, которые творят историю и в то же время остаются её детьми. При повторном написании этой книги, посвящённой испанскому мировому пролетариату, мы получили поддержку со стороны многих людей. Например, в последние моменты — доступ к новым письмам Дуррути благодаря сотрудничеству его дочери Коллетты и сотрудничеству Хосе Марии. Также нам посчастливилось получить поддержку со стороны Освальдо Байера, который помог нам с материалами по Аргентине. Таким же образом в главах о жизни на Американском континенте и в частности, в Рио де Ла Плата, как и по другим вопросам, нам помогли Эстела и Альберто Беллони. Что касается Рудольфа де Йонга и компетентных сотрудников Института социальной истории Амстердама, всегда таких терпеливых и дружелюбных, то они оказали нам неоценимую помощь во время работы с архивами. Также большую помощь на оказал Международный Центр исследований анархизма в Женеве. Мы выражаем благодарность сотрудникам Института социальной истории на rue Vielle du Temple; Социального музея на rue de las Cases; Иностраных и Национальных архивов Франции в Париже. Кроме того, нам прислали информацию от Spanish Refugees Aid (Фонд помощи испанским беженцам) из Нью-Йорка, США. Документы на английском были переведены на испанский язык нашим канадским другом Дональдом Кроу; Антонио Теллес подготовил алфавитное указание имён. Благодарим также Хулиана Мартина за помощь в

подборке фотодокументов. Выражаем нашу глубокую признательность всем людям, которые каким-либо образом помогли или вдохновили нас в нашей работе, и просим простить тех, кого мы забыли упомянуть.

В заключение, мы хотим взять на себя полную ответственность за этот биографический труд.

Париж, февраль 1977

Заметка ко второму изданию на испанском языке

Хочу поблагодарить товарищей из Fundació Anselmo Lorenzo (Фонд имени Ансельмо Лоренсо) и сотрудников издательства за помощь в издании этой книги, проверенной и исправленной на основе «Дуррути...», и особенно — Хосе Луиса Гутьерреса за предисловие и заметки.

Барселона, апрель 1996

Предисловие

Исполняется 100 лет со дня рождения Хосе Буэнавентуры Дуррути Домингеса - одной из главных фигур испанского анархизма — и это равноценно периоду нашей истории за последние 150 лет. Потому что, несмотря на все попытки недооценить, обесценить и даже игнорировать размах, живучесть и глубокие корни анархистских идей в нашем обществе, любой обозреватель, пытающийся понять наше недавнее прошлое, не сможет не заметить тех женщин и мужчин, которые, будучи членами различных организаций и защищая свои собственные подходы, оставались верными либертарным идеям.

1. Новое издание: почему?

Сейчас, в конце XX века, анархистские организации Испании переживают не самые лучшие времена. Однако, может быть, именно поэтому настолько важным является переиздание биографии Дуррути, написанной Пас Абелем (Abel Paz). Прошло более четверти века с выхода в свет первого издания во Франции. Оно стало широко известным как на испанском языке, так и на английском, португальском, итальянском, немецком и японском. На сегодняшний день очень трудно найти экземпляры испанского издания 1978 года и даже его сокращённой версии, вышедшей восемь лет спустя². Только по этой причине появление нового издания нужно и своевременно; кроме того, оно включает некоторые новшества: проверку всего текста, заметки и библиографическую актуализацию. Таким образом, испанские читатели смогут иметь широкий доступ к книге Абеля Паса в такой же мере, как французские и испанские. Но кроме того, есть как минимум две причины существования

этого нового издания. Первая — восстановить образ одной из самых характерных фигур испанского анархизма; вторая — необходимость пересмотреть историографию, существующую на сегодняшний день о периоде - 1930-х годов в Испании.

Среди анархистов не только отрицается культ по отношению к руководителю, лидеру, но также символы, представления их идеалов. Как предупреждает Агустин Гарсия Кальво, анархист замечает опасность внушения потребности людей в образах и идолах. Публикация этой биографии Буэнавентуры Дуррути не является попыткой создать миф вокруг образа анархистского активиста и вознести его в пантеон знаменитостей, погибших за родину или революцию. Но всё же не стоит забывать тех людей, которые в силу личных качеств или конкретных обстоятельств своей жизни могут образно представлять тысячи безымянных мужчин и женщин и обобщать те события, которые должны быть сохранены за рамками официальной версии истории — той, которая пишется структурами власти.

И это тем более важно, если учитывать исторический контекст, в котором мы сейчас живём. Когда необходимо помнить о преследовании со стороны структур власти, чувствующих себя в полной безопасности, несмотря на их шаткую глиняную опору. Это издание «Дуррути в испанской революции» выходит в свет как инструмент борьбы, как элемент сопротивления всеобщей дезинформации.

Биография Буэнавентуры Дуррути не похожа на жизнеописание какого-либо короля или политика, заслуживших свои места в памяти народа благодаря фактам, не зависящим от них самих. Можно привести пример из истории 1930-х годов в Испании: Мануэль Асанья сейчас более известен своим участием в убийствах крестьян или своей контрреволюционной деятельностью во время войны 1936-1939 годов, нежели вкладом в перспективы проведения реформ среди широких слоёв населения после провозглашения Второй Испанской республики; или продвижением социальных перемен во времена военного конфликта. Известен эпизод презрительного отношения этого мадридского политика к членам Совета по защите Арагона - местной революционной организации, среди которых находился его бывший персональный водитель.

Если рассматривать жизнь Дуррути не только как многочисленные приключения наряду с превратностями, его путь есть прямое отражение таких же историй тысяч испанских революционеров, заплативших дорогую цену в борьбе за более справедливое общество. Вспоминая Дуррути, мы отдаём дань другим — безымянным, но не менее важным героям. Значимость лионского анархиста заключается не в его исключительности, а в том, что он был одним из многих подобных ему.

В противном случае государство не было бы заинтересовано в манипуляции его образом, чтобы предать все те идеи, которые он защищал, и его личность вышла бы за пределы персонажа газетной хроники.

Главы, на которые Абель Пас разделил свой труд, воспроизводят этапы пути испанского народа в борьбе за свободу. Сначала - его бунтарские настроения в годы после Первой мировой войны. После экономического подъёма и последующего обогащения элитарных слоёв общества, предпринимателей и финансистов опять стал очевидным их эгоизм. Они не

только не вложили часть своих огромных прибылей в улучшение жизни производительных структур, что, с точки зрения капиталистического менталитета, могло бы привести к повышению покупательной способности граждан, а напротив, пытались помешать деятельности синдикатов, которые ставили своей целью сохранение завоеваний, достигнутых за прошлые годы, используя террор со стороны организованных «пистолерос» под руководством Арлеги, Мартинеса Анидо, Мануэля Браво Портильо или барона Конинга.

Бунт Дуррути — это бунт испанского народа, не согласного с ролью марионетки, которую ему пытались навязать. Измена политиков и социалистов в 1917 году, переворот Примо де Риверы³ в сентябре 1923-го приостановили массовые выступления бунтовщиков. Но только приостановили, ибо мятеж продолжился. Мятеж в условиях подполья, уже без классовых товарищей, таких как социалисты, вскоре начавших сотрудничать с институтами и организациями Диктатуры. Однако, несмотря ни на что, сопротивление не прекратилось. Было всё: многолетние полицейские преследования, потерпевшие поражение перевороты, такие как Веры де Бидасоа, и даже появление сомнений у опытных революционеров, таких как Анхель Пестанья⁴ или Хуан Пейро⁵.

Но несмотря на это, против всех ожиданий, после установления формальных свобод в апреле 1931 года могучий революционный дух испанского народа проявился ещё раз. Как и Дуррути, испанский пролетариат становился активистом. Почти на пустом месте с головокружительной быстротой возродились революционные организации Испании.

Прежде всего - Национальная конфедерация труда (НКТ - CNT). Её возрождение не только нарушило планы республиканцев и социалистов на словах основать демократический режим, но, кроме того, заложило основы для того, чтобы народная реакция на военное восстание лета 1936 года превратилась в последнюю попытку создания новой общественной структуры на вялом Европейском континенте.

Присутствие активной НКТ было той сдерживающей дамбой, которая выявила неспособность республиканского режима разрешить или по крайней мере отреагировать как на социальные и экономические проблемы в стране, так и на создание новой политической и общественной системы. Синдикализм НКТ выявил противоречия тех правителей, которые, придя к власти для осуществления глубоких преобразований на аграрном, религиозном или военном уровне, не смогли достичь своих целей. Напротив, за короткий срок, в то время как укреплялся анархосиндикализм, возродились менталитет и традиционные методы испанских структур власти: преследования, репрессии ссылки.

Вследствие этого общественные конфликты продолжали оставаться государственной проблемой, а культурные, религиозные и психологические преобразования превратились в мятежные направления «нормы общественного порядка». Таким образом, республиканский режим постепенно не только потерял поддержку большинства рабочего класса, включая социалистов, но также уже не мог рассчитывать на буржуазию. Было показательно, что уже на первых республиканских парламентских выборах в Учредительное собрание в конце июня 1931 года появились кандидаты, которые разоблачали предательство «официальными» партиями республиканских идеалов Хака, Фермина Галана и Гарсии Эрнандеса.

Дуррути, как активист, — никто иной, как один из тысяч энкатистов (сенетистов), поддержавших возрождение анархо-синдикализма, несмотря на поражения и репрессии. Именно поэтому испанские либертарные организации послужили катализатором того явления, которое началось как военный переворот, а впоследствии превратилось в социальную революцию. В тот момент Дуррути и другие энкатисты перестали быть революционными активистами, чтобы стать революционерами, поставившими целью строительство нового мира, мечта о котором жила в их сердцах.

В Испании лета 1936 года, в пламени войны, Дуррути не был единственным революционером и даже не его прототипом. Он, как тысячи анархистов и анархо-синдикалистов - людей доброй воли, - взялся за дело, чтобы покончить со старым обществом. Жизненный путь последних месяцев Дуррути представляет именно этих испанцев, называемых «неподвластными» (*no controlados*); они патрулировали улицы испанских городов за дни до государственного переворота, и именно они, впоследствии осмеянные, без тени сомнения отправились на только начинавшие формироваться фронты, чтобы в большинстве случаев отдать на них свою жизнь; именно они, на селе и в городах, поверили, что пришёл момент революции, и именно они поверили в утопию и никогда не забыли об этой мечте, несмотря на разгромы, пытки, расстрелы и ссылки. Биография Дуррути рассказывает о них обо всех.

И тоже о них - история его смерти. Исчезновение Дуррути приравнивается к угасанию революционного импульса июля 1936 года. Изолированные, очернённые, они подвергались нападкам даже со стороны бюрократии НКТ и ФАИ (Федерация анархистов Иберии; FAI - *Federación Anarquista Iberica*), появившейся в разгаре чрезвычайных условий испанской войны. Сами обстоятельства его смерти, так и не выясненные, — это обстоятельства распада революционного процесса: замена ополчения (народных милиций) так называемой народной армией; демонтаж новых органов власти и возрождение старых правительственных институтов; уничтожение результатов коллективизации и захватов фабрик и заводов, и, наконец, замена революционного энтузиазма многострадальной пассивностью людей, втянутых в войну.

Образ Буэнавентуры Дуррути живет в наших сердцах и после его смерти. Образно можно сказать, что его местонахождение как и истоки революции - не известны. Его забальзамированное тело исчезло с похорон, сопровождавшихся толпами людей. Так же, как и он, на грани исчезновения были мечты и иллюзии тысяч людей, провожавших его в последний путь. Куда он исчез? Может быть, он ожидает лучшего момента для возвращения. Но это время не настанет по воле случая. Бунтари, активисты, революционеры не родятся вдруг, сами по себе из каменистой почвы.

«Дуррути в Испанской революции» — это не книга, созданная наёмным пером. Её автор был участником, свидетелем большей части изложенных событий, это опыт революционера, вставшего на путь самообразования по собственной инициативе и ставшего исследователем. Здесь не идёт речь о новичке в такого рода состязаниях. Даже в те годы, когда Абель Пас начал работать над этой книгой, он не был новичком - он знал своё мастерство со всех сторон, как сотрудник либертарной прессы и как типографский рабочий. Это было одним из его занятий, одним из воплощений, на которые его подтолкнула жизнь.

Далёкий от литературных кругов или университетских кружков, для написания книги он не располагал ни издательской ловкостью первых, ни инструментами, используемыми профессиональными историографами. Тем не менее с момента выхода книги в свет образ Дуррути для нас превратился в обязательное орудие для понимания и познания не только его личности, но и первой трети нынешнего века в истории Испании. Многие современные «специалисты» используют информацию, собранную Пасом Абелем, не утруждая себя необходимостью указывать источник.

Однако ценность труда Абея Паса не только в интенсивности и глубине его биографического исследования. Читателю представлена возможность созерцать историческую фреску, на которой сильными мазками выделяется личность Буэнавентуры Дуррути. И это получается потому, что автор не скрывает свой долг по отношению к книге и читателю. Автор не прячется за двойственными аргументами претенциозной «объективности» для описания истории. Несмотря на его нескрываемую принадлежность к анархизму, его труд является более «объективным», чем книги многих других писателей, которые претендуют на объективность с позиций фальшивой нейтральности. Потому что «Дуррути в испанской революции» отличается внутренней последовательностью, которой могли бы позавидовать многие исследования, написанные на кафедрах университетов. Читатель может не согласиться с интерпретацией событий со стороны Абея Паса, но он никогда не столкнётся с манипуляциями документами или фактами. Эта та самая последовательность, которая присуща автору под именами Пас Абель (он же - Диего Камачо, Рикардо Сантани). Хотя и существуют четыре книги, в которых главный герой рассказывает о своём жизненном пути вплоть до половины 1950-х годов, я всё же прибегну к ним, чтобы извлечь несколько мазков и приблизить читателя к автору.

2. От Диего Камачо к Абею Пасу, через Рикардо Сантани

Наш автор родился в один из жарких летних дней середины августа 1921 года в Альмерии, под именем Диего Камачо. Детство сына подёнщиков протекало среди летней жары, освежаемой прохладой гаспачо на пороге родного дома и бесконечными наблюдениями за ночным небом, луной и звёздами. Рассказы у камина были его первой школой, и благодаря одной старой лавочнице он научился письму и чтению. Уже потом, в Барселоне, поступил в рационалистскую школу «Натура». Будучи подростком, он также посещал библиотеку «Атенео Либертарио дель Клот» (Ateneo Libertario del Clot) а также, «школу жизни», где предметами обучения были анархистские восстания 1933 года; а кроме того — игра в футбол, скромные беседы и наблюдения за проститутками по вечерам на Кампо дель Сидраль (Campo del Sidral). В свои четырнадцать лет Диего не только ходил на экскурсии вместе с группой «Солнце и Жизнь» (Sol y Vida), но также был в составе фабричного и текстильного синдиката от НКТ и подпольной организации Juventudes Libertarias del Clot (Анархистская молодёжь Клота).

На рассвете в 4 часа утра 19 июля 1936 года Диего увидел, как возводились первые баррикады, и услышал сотни фабричных сирен, предупреждающих о военном путче.

Уже потом — звуки выстрелов, клаксонов в ритме «НКТ, НКТ, НКТ»; ограбление церкви и первые акции сжигания денежных купюр. Как река, вышедшая из берегов, революция шла вперёд. В её русле был и Диего Камачо; когда наконец наступила ночь, в самый разгар праздника революции он сладко заснул. А проснувшись, смог увидеть революционные перемены — не только в средствах производства, сразу же перешедших под контроль фабричных комитетов, или в городе с баррикадами на всех улицах, но и в умах людей. Несколько дней спустя он был членом анархистской группы Orto и одним из тысяч барселонцев, строивших новое общество. Наверное, поэтому он узнал о создании Центрального комитета антифашистских милиций, когда, забравшись на кучку кирпичей, Федерика Монтсени⁷ рассказала об этом ему и многим другим соседям из Клота. Тогда он ещё не заметил опасности раздельного действия сенетистских (CNT — НКТ) и фаистских (FAI—ФАИ) комитетов. Самым важным в тот момент были укрепление революции за пределами Барселоны, пополнение рядов рабочего ополчения, которые готовились выйти к Арагону; захват семинарии на улице Дипутасион (Diputaciyn), с тем чтобы превратить её в университет для народа или организовать библиотеку «Атенео Либертарио» (Atheneo Libertario) в своём жилом районе. Революционная Барселона проснулась. Каждое дело делалось по-своему, но всё шло вперёд. Ничто не мешало прекрасному хаосу, в котором, несмотря на то что не было ни порядка, ни согласия, транспорт работал, распределение продовольствия в городе справлялось со своими задачами и повсюду шли экспроприации фабрик и мастерских.

Именно в таких условиях Диего Камачо и другие молодые товарищи сформировали оппозиционную группу по отношению к тому реформистскому течению, которое собиралось реорганизовать сенетистские комитеты. Люди называли их «Кихоты-идеалисты» (Quijotes del Ideal). Всё развивалось слишком быстро, и «Лос-Кихотес» (Los Quijotes) чувствовали себя в плену событий. Но они не сдавались. Диего Камачо никогда не забудет разговора с Рамоном Хуве, «старым» анархистом — немногим более 30 лет от роду, в дни похорон Дуррути. Революция выходила за границы самого Буэнавентуры, НКТ и ФАИ. Это был результат действий рабочих, анархистов и не-анархистов, в июле. То, что было прожито за эти дни, было прекрасно, и никто не мог отнять этого у людей.

В начале 1937 года контрреволюция развивалась быстрыми темпами: рабочие милиции были милитаризованы, сталинисты начали свою методическую борьбу против анархизма, и уже чувствовалось, что военный конфликт затягивался.

В то же самое время пятнадцатилетний Диего Камачо кроме участия в группе «неподвластных» революции, работал учеником в мастерской по производству кухонной посуды и вырос. До тех пор, пока сталинизм не решил, что пришло время отделаться раз и навсегда от неудобных троцкистов и анархистов в Испании. Целую неделю наш автор был безотрывно занят так называемыми «майскими событиями». Когда всё закончилось и, хотя анархизм не был сметён с лица земли, Диего Камачо чувствовал, что либертарное движение потерпело поражение. Спустя несколько дней он был впервые арестован, но его скоро отпустили живым и здоровым, хотя те обстоятельства не были наилучшими для арестованных сенетистов.

В октябре 1937-го, когда войска коммуниста Листер⁸ оккупировали арагонские коллективы, наш автор отправился в сельскохозяйственную общину Сервья в Лериде. Там он на деле узнал обстоятельства коллективизации; недоверие крестьян к горожанам и тяжёлый труд по сбору оливок. Также он почувствовал перемену в привычках и изменения крестьянского менталитета в результате введения коллективизации; работу молодёжи для поднятия своего культурного уровня и новую, едва зарождающуюся роль женщин в обществе. Диего Камачо жил в этом мире, где деньги почти не существовали, до своего возвращения в Барселону весной 1938 года. Город показался ему незнакомым, и либертарное движение — на пути к эхекутивизму (*ejecutivismo*)⁹. Это были трудные времена «свержения идолов», революционных неудач; голода и наступления франкистской армии. Но это были и месяцы для романтических встреч и вечеров в кинематографе.

В начале 1939 года казалось, что разгром неизбежен. Едва наступило 21 января, Диего Камачо, проснувшись, узнал о том, что фашисты заняли город. Затем последовали часы замешательства, уничтожения документов и организация эвакуации. Следующий день был настоящим адом. Начались бомбардировки франкистской авиации. Царила всеобщая паника, и вечером 25 января, вместе со своей подругой, матерью и двумя братьями, наш автор отправлялся в неизвестном направлении на грузовике, отнятом силой угроз.

Караван в сторону французской границы представлялся как знаковое событие, в котором были и военные, и гражданские, показывая тем самым, что столкновение произошло не между двумя военными группами, а между двумя общественными классами. И это была революция, которая превратилась в войну. В конце месяца Диего Камачо, как и многие другие тысячи людей, толпился в Ла Хункера перед французским пограничным пунктом в ожидании разрешения въезда во Францию. Когда наконец в начале февраля он добился своего, впереди его ждало время унижений. Хотя было известно, что правительство Народного фронта Франции не собиралось с радостью встретить толпы испанских беженцев, никто не ожидал встретиться с жестоким отношением галльских властей. После пересечения границы жандармы разделяли семьи, отделяли мужчин от женщин с детьми, отнимали у них более или менее ценные вещи, и затем мужчин помещали в концентрационные лагеря, на скорую руку строившиеся на берегу моря.

Диего и другие товарищи вначале избежали заключения, но спустя несколько дней его задержали и заключили в лагерь «SaintCyprien». Когда стемнело, Диего прибыл на место заключения. Его первая ночь прошла на голой земле морского берега, под покровом звёздного неба и в сопровождении сотен вшей. Там, и позднее в «Argeles-sur-Mer», жизнь не прекращалась благодаря взаимной помощи и солидарности. Много было написано о концентрационных лагерях, о мучениях беженцев. Но совсем мало — о высокой степени взаимопомощи между ними. Благодаря этому у них были жильё и организационные структуры, позволявшие им получать вести о событиях за границей: после взятия Мадрида война шла к концу, и появилась новая «эпидемия»: миграция в Южную Америку.

И хотя пребывание в концентрационном лагере считалось временным, день за днём шли без перемен. И лишь переписка стала чем-то жизненно важным — в равной степени, чтобы установить связь с друзьями и родственниками и высказать свои чувства и мысли. В мае Диего Камачо был переведён в новый лагерь — «Carcagis». Там ему выдали посылку с

одеждой и принадлежностями для личной гигиены, и там же он узнал о немецко-русском Пакте о ненападении, о новом разделе Польши между Германией и СССР¹⁰. Много месяцев коммунисты обвиняли анархистов в предательстве, теперь пришёл черёд и «китайцев» (так называли коммунистов среди испанских либертариёв). Вскоре новая забота омрачила Диего: в связи с нарастанием враждебной обстановки в Европе власти Франции становились всё агрессивнее по отношению к беженцам, которых насильно вербовали в рабочие или Иностранный Легион.

В конце 1939 года Диего находился в лагере под Брамом, в Ауде (Aude). В феврале 1940-го его и его друга Рауля Карбалея наняли рабочими на строительство нефтепровода. Им выдали резиновые сапоги, чёрные непромокаемые плащи и посадили в торговый поезд курсом на Шато-Рено — маленький посёлок в районе Эндр и Луарай (Indre-et-Loire). Там, в доме старых испанских мигрантов, впервые более чем за год он заснул на чистой постели с простынями.

Каждый день приходили вести о неспособности французской армии сдержать наступление немцев. И в середине июня уже не показалось странным видеть шоссе, где он работал, заполненным беженцами из Франции. Так же, как и в январе 1939 года в Испании. Разница была в том, что люди не осознавали, почему они бежали. Только была известна одна цель — борьба. Опять борьба: или против немцев, или за возможность вернуться в Испанию. В Бордо Диего прибыл 26 июня, за два дня до немецких оккупантов. Снова началась жизнь беженца: спать на голом полу и готовить еду на костре. Чтобы иметь право на пособие беженца от правительства Франции, наш автор переделал своё имя на французский лад: Жак Каматчо. На первых порах совместная жизнь с немецкими оккупантами была не так уж плоха: им нужны были испанцы как дешёвая рабочая сила, а не как опытные враги, готовые на всё.

Однако Диего всегда жил в напряжении, с оглядкой. Именно поэтому его подруга быстро убедила его уехать в Бусас (Boussais) — район Декс Сервес (Deux Sèvres) где жили её сёстры.

Там они смогли насладиться буколическим стилем жизни, но в конце июля были задержаны жандармами и отправлены поездом в Испанию. В пути Диего удалось бежать. Снова начались скитания по «Двору чудес» в столице, оккупированной Gironde. В октябре немцы забрали его на строительство «Атлантического вала». Это было равносильно возвращению в концентрационный лагерь. После первого заработка Диего обманул охрану и сел на поезд курсом на Бордо. В дороге он уничтожил все свои документы и решил, что теперь его имя будет Хуан Гонсалес. И под этим именем он почувствовал на себе всё растущее давление немецких оккупантов на испанских беженцев, особенно после первого покушения на гарнизоны фашистов в начале 1941 года.

В марте он переехал в Марсель в составе одного из комитетов НКТ в поисках контактов с товарищами на неоккупированной территории. В этом большом средиземноморском порту НКТ через мексиканское посольство достала ему документы и немного денег. Спустя несколько дней Диего удалось найти приют в одном загородном доме, где мексиканцы принимали испанских беженцев, пытавшихся отплыть в Латинскую Америку. В начале лета 1941 года Диего отправился в Гренобль работать каменщиком. В это время нападением на

Россию Гитлер разорвал дипломатические отношения со Сталиным.

Работа заключалась в строительстве дамбы Iserre. Там в свои неполные 20 лет на канатной дороге впервые он пережил ощущение полёта. Через несколько месяцев Диего получил письмо от своего друга Рауля Карбалеиры. Тот был в заключении в лагере Argeles и опасался, что его переведут на строительство железной дороги в пустыне Сахара в Алжире. Просил денег для побега. Диего тотчас же послал по почте деньги и записку: «Я буду на свадьбе твоей сестры».

Вернулся в Марсель. Но прежде, чем закончил подготовку своего возвращения в Испанию, его арестовали. Узником в тюрьме Chavez, в городе Родано (Ródano) он приступил к работе над автобиографической повестью, в которой смешивались реальность и фантазия. Так он отдалялся от жестокой действительности, чтобы как можно меньше чувствовать её каждодневные события. В марте 1942 года его осудили на три месяца за подделку государственных документов. А после отбытия срока перевели в Центр для иностранцев для последующей экстрадиции в Мексику. Однако в апреле одна фирма по добыче соли отправила его на солончак Istrus. На самом деле это был концентрационный лагерь смерти.

В первую же ночь Диего сбежал. Вернулся в Марсель, а потом с друзьями Раулем и Хавьером Прадо уехал в Тулузу, чтобы закончить подготовку к возвращению в Испанию. Там они встретились с Франсиско Понсаном, ответственным за пограничный пункт. Тот вручил им два незаполненных пропуска для пересечения границы и 25 песет.

1 июня 1942 года Диего и Либерто Серрау отправились к границе и на следующий день перешли её. Но теперь уже под другими именами: Рикардо Сантани Эскамес и Виктор Фуэнтэ. Рикардо едва исполнился 21 год, и три из них прошли в изгнании.

Первыми впечатлениями о франкистской Испании было то, что для посещения баров нужно было заплатить в Департамент социальной помощи, и никто не прогуливался под руку. Затем контакты из Барселоны рассказали о жестоких репрессиях и о том ужасе, который испытывали самые опытные члены анархистского движения. Диего и его друг поняли, что если их жизнь во Франции была полна лишений и страданий, то реальность в Испании приближалась к аду, описанному Данте. Даже слова произносились сугубо механически, и повсюду чувствовался тяжёлый запах физической и моральной нищеты. Через 4 месяца пути Рикардо и Виктор разошлись. Сантани встретил девушку, начал работать на стройке и наладил потерянную связь с семьёй.

В декабре его арестовали, и он на себе почувствовал отношение полицейских франкистской Испании. Его обвинили в краже оружия у охранника и поместили в тюрьму под названием «Модело». Там он вступил в организацию, созданную тысячами заключённых анархистов, и научился играть в шахматы самодельными фигурками из хлебного мякиша. В марте его судили и приговорили к семи годам заключения. Рикардо Сантани мог считать, что ему повезло. В тюрьме он стал свидетелем казни Хоакина Паяреса, Бернабэ Аргуэйеса, Эстебана Палларолса, Хусто Буэно Переса, Луиса Латорре и многих других. Алчный зверь ещё не насытился. Один за другим потянулись месяцы тюремной рутины и наказаний; обязательных посещений церковных служений и нищенского питания. Но также было время

для неожиданных встреч и маленьких радостей, а с 1943 года появилась надежда на победу союзников. Однако эта надежда быстро рассеялась, потому что победители сразу же дали понять, что они предпочитали спокойствие, гарантированное франкистским кладбищем, возрождению Республики или даже монархии, что могло означать возврат к Испании 1936-го со всеми её конфликтами. В середине 1943 года Рикардо перевели в тюрьму Бургоса. 1945 год был самым жалким на надежды. Иллюзии, вызванные десантом в Нормандии, разрушились, стало очевидным безразличие к судьбе Испании, и... пришлось пережить шесть месяцев карцерного режима. В середине 1946 года его поместили в тюрьму Героны. Там он работал помощником судебного делопроизводителя и обнаружил ошибку в своём судебном деле, благодаря которой появилась возможность запросить условнодосрочное освобождение.

Процесс рассмотрения длился до марта 1947 года. Месяц томительного ожидания был нелёгким: ночные кошмары, нервный стресс — всё это превратило его в заядлого курильщика. И наконец, воскресным днём 13 апреля Рикардо вышел на свободу. Попал в застенки в 21 год и вышел в неполные 26. Была весна, и Сантани почувствовал, как, подобно деревьям после долгой и снежной зимы, он возвращался к жизни. Но ему не было суждено праздновать на свободе 26 лет жизни. Прошло сто четырнадцать дней — и за его спиной вновь захлопнулись тюремные ворота. Но пока это не случилось, он отправился в родной дом. Потом посетил друга, который поведал ему о глубоком разочаровании, вызванном безразличием союзников; об ослаблении позиций сенетистских синдикатов. И дал ему совет покинуть страну. Однако Рикардо не собирался уезжать из Испании. Он оставался под этим именем недолго. Через несколько дней его друг Либерто Саррау помог ему стать фалангистом под именем Луис Гарсия Эскамес, родом из Гранады. Вскоре Луис Гарсия выехал из Мадрида, с тем чтобы работать в составе Комитета Иберийской федерации анархистской молодёжи.

В столице он первым делом посетил площадь Пуэрта дель Соль, чтобы ознакомиться снаружи с древним зданием почтамта, в то время Главного управления безопасности, в подвалы которого он рано или поздно попадёт. Потом встретился с товарищами по комитету — Хуаном Гомесом Касас, Хосе Пересом и Хуаном Порталесом (в доме последнего временно обосновался). Его задачей была координация печатного выпуска пропаганды в типографии, устроенной на прибыль, полученной от обмена фальшивых банкнот, ввезённых из Франции. Так вышли первый номер «Хувентуд Либре» (Juventud Libre) и пропагандистские статьи против референдума июля 1947 года. В один из июньских дней, гуляя по садам El Retiro, он встретил генерала Франко, который осматривал дворец Velasquez. Рикардо всегда сожалел, что в тот день у него не было пистолета: Франко не должен был умереть в своей постели. Если бы это случилось, погиб бы дух сопротивления, вдохновлявший оппозицию.

В середине июля прошли съезды FAI (Федерация Анархистов Иберии) и FIJL (Федерация Анархистской Молодёжи Иберии), где была получена информация о существовании в Барселоне спрятанного клада. И именно туда в конце месяца выехал Рикардо Сантани. Когда он выходил из квартиры, где, как предполагалось, был спрятан клад, его арестовали. Одна из соседок донесла в полицию о странных посещениях квартиры.

Промежуток жизни на свободе закончился. Двенадцать дней его продержали в застенках Главной полицейской префектуры Барселоны и 17 августа отправили в тюрьму Modelo. А всего несколько дней назад ему исполнилось 26 лет.

Ещё пять лет тюрьмы, каждодневная рутина, проповеди священников и унижения. Но тем не менее он вновь почувствовал солидарность заключённых; все вместе обсуждали будущее анархистских организаций, и особенно запомнится ему 26 июня 1948 года. В этот день в Монтжуик(Montjuich) от рук полиции погиб его друг Рауль Карбалеира. Это были годы ослабления НКТ. Её деятельность, обескровленная сотнями арестованных, сводилась на нет; всё ещё не был решён внешний конфликт между умеренными и «краснокожими», и особенно было важно то, что действия конфедерации не шли в ногу со временем, когда на сцене появлялись новые поколения испанцев, не знакомых с войной. В марте 1949 года на Эдуардо Кинтелу, командующего Политикообщественной бригадой, было совершено покушение. Полиция искала соучастников заговора и провела ряд освобождений заключённых. Одним из них был и наш автор. Его перевели в Главную полицейскую префектуру Барселоны, на допросах грозили «выстрелом при попытке к бегству». На рассвете 12 марта 1949 года на одном из пустырей Барселоны была инсценирована его казнь. Он никогда не узнал, была ли это полицейская пантомима или же он остался в живых из-за интриг и соперничества между полицией Мадрида и Барселоны. Как бы там ни было, в этот день Диего родился заново. В конце марта его опять отправили в тюрьму Modelo. Спустя несколько дней ему был поставлен диагноз «повреждение лёгких», то есть туберкулёз. Он пробыл в медчасти тюрьмы до самого дня суда, вынесения приговора и переезда в антитуберкулёзный тюремный госпиталь в Cuellar, провинция Сеговия.

Рождественские праздники 1950 года были самыми трудными из проведённых в заключении. Оживили его только вести о забастовках в Барселоне. Тем не менее было невозможно не заметить обескровленности рабочих организаций и того, что партизанская война была на исходе. Живыми оставались только отчаяние и надежда, что родится новая сознательная сила, которая доведёт борьбу до конца. К концу года Рикардо сообщили, что он сможет выйти на свободу условно, если предоставит поручителя. Как и прежде, он должен был уничтожить справку из судебного дела, в которой указывалось, что при выходе из заключения обязуется прибыть в распоряжение властей. В январе 1952 года ему удалось спрятать этот документ. Вновь долгое ожидание. И вот в конце апреля — 28 числа — в воскресенье он вышел, держа путь на область Поркуна (Porcuna) в провинции Хаэн(Jaen), где нашёл для себя поручителя. Ему исполнился тридцать один год, и его молодость прошла в тюрьмах.

В Хаэн Рикардо удалось оформить смену места жительства на Барселону. Но в крупном городе было нелегко найти работу. Благодаря помощи сенетистских контактов синдиката пищевой промышленности он устроился сначала на пивную фабрику «Moritz», а потом в издательство Soropa. Однако организация попросила его «оставаться в тени», чтобы осуществить один рабочий план. Тем временем в течение месяцев Рикардо читал и учился в доме «Аугога». В это время он познакомился с Карлосом М. Рамой и получил информацию о том, как НКТ продолжала отдаляться от новых поколений, родившихся во времена франкизма, в то время как коммунисты играли на два фронта: вооружённая оппозиция и проникновение в структуры НКТ. Кроме этого, совершались попытки завербовать «детей

победителей». Испания 1950-х годов начинала чувствовать благоприятные последствия валютных поступлений от эмигрантов и туризма.

Рикардо Сантани получил задание поехать в Тулузу как делегат от НКТ на конгресс Международной Ассоциации Труда (АИТ) и Межконтинентальный пленум организаций за рубежом. 25 июня он тайно выехал во французский город. Там, с целью упростить участие в работе, он опять назвался «Луис Гарсия». На конгрессе имели место некоторые конфликты с конфедерацией за рубежом. Причина заключалась том, что за границей НКТ представляли по-другому, нежели в самой Испании, пытались игнорировать упадок организации и необходимость реорганизации в соответствии с новыми реальными условиями. Во время заседаний АИТ в Париже Рикардо получил информацию о том, что испанская полиция потребовала его экстрадиции за перевозку взрывчатых веществ. Таким образом, возвращаться в Испанию не было смысла. Он обосновался в здании НКТ в Тулузе и начал собирать информацию о жизни испанских анархистов в подполье и сотрудничать в прессе конфедерации. В октябре 1953 года он выехал в Брезоль (Brezolles), район Eure et Loire, где французская полиция назначила ему место жительства. Начал работу разнорабочим на стройке. В конце ноября НКТ поручила ему поехать в Барселону, чтобы организовать типографию. Дав своё согласие, в начале декабря Рикардо вновь вернулся в Испанию. До конца года он исполнил своё намерение: добраться до Мадрида, чтобы связаться с Национальным комитетом НКТ и вернуться во Францию.

Ссылка рассеяла в тумане персонаж Рикардо Сантани. Через несколько лет родится Абель Пас, автор книги «Дуррути в испанской революции» и многих других — трудов как уже опубликованных, так и находящихся в ожидании выхода в свет. Все они посвящены миру анархистского движения, так же как и его поездки по многим странам, начиная с Италии и до Австралии, проездом через Японию. Эта деятельность вопреки всему была посвящена распространению идеалов анархизма, это была анархическая деятельность в исторических исследованиях.

3. Анархо-синдикализм в историографии: Вторая республика¹¹ и война 1936-1939 годов

Большая часть современной испанской историографии родилась в процессе исследований социальных течений. Будучи плодом специфического этапа — 1970-х годов и реставрации сегодняшнего монархического режима, — она имеет такие недостатки, как отсутствие интеллектуальных дебатов или плохая организация исследовательских программ¹². Но эта ситуация не помешала появлению многочисленных трудов и публикаций. Особенно когда начала бурно развиваться издательская деятельность муниципальных или региональных организаций и институтов. Важное направление для массового распространения хотя и не всегда достаточного тиража, и хорошего качества.

И совсем не случаен тот факт, что изучение рабочих движений заняло прочное первое место в отношении количества исследовательских трудов. В обстановке быстрых перемен, рождения новых общественных и политических структур историографы играли очень важную роль — содействие в восстановлении исторической памяти, стандартов

легитимации или делигитимации, которые были бы поддержкой новой нарождающейся системы. Наряду с рабочим движением также были вехами в своё время труды по электоральной социологии авторства Хавьера Туселла или первые аппроксимации национальных авторов и переводы зарубежных исследований, в основном англоязычных, на одну из тем, запрещённых при франкистском режиме: «Вторая республика и так называемая Гражданская война»¹³. Мнение историков не только принималось во внимание, но некоторые из них даже участвовали в политической жизни страны. Они пытались разработать интеллектуальное оправдание демократическим теориям общества, в то время как диктатор в постели ждал своей кончины. Было необходимо заменить доминирующую в то время гнилую и антилиберальную историографию, на другую — новую, которая смогла бы связать испанское экономическое развитие (*desarrollismo*) и общественные процессы. Они пытались побороть существующую историю, тесно связанную с франкистским режимом, и создать новую, общественную. Итак, создались два главных направления в попытках новых исследователей: роль испанского общества в 1930-е годы, касающаяся периода демократической свободы, к которой вновь были обращены все стремления, а также причины и процесс гражданского конфликта, породившего диктаторский режим, чей конец был неизбежен.

Как справедливо заметил арагонский историк Хулиан Касанова¹⁴, этот процесс требовал создания нового концептуального аппарата. Процесс дискуссии начался во второй половине 1960-х годов, на базе уже существовавших дебатов, происходивших за рубежом, на такие темы, как переход от феодализма к капитализму или буржуазные революции. Именно в то время в исследования испанских историографов пустила корни марксистская методология. Это была наиболее близкая к западному обществу версия марксизма, в основном к британской марксистской историографии и к школе анналов, нежели к тем направлениям, которым следовали страны официального коммунизма. Этот факт следует иметь в виду, чтобы лучше понять ту судьбу, которую историография уготовила анархизму и анархо-синдикализму в Испании.

Таким образом, придерживающиеся в своём большинстве «прогрессивных» политических позиций молодые исследователи с энтузиазмом принялись за исследование перипетий пролетарских движений, детальное изучение внутренних вопросов республиканского режима и анализ событий военного конфликта. Именно в это время определились исторические факты, которые сегодня считаются достоверными. Был установлен консенсус — ещё одна концепция, тесно связанная с политической и общественной деятельностью 1970-х годов, — который, с одной стороны, подчёркивал демократическую роль республиканского правительства, движущей силы политического, общественного и экономического обновления страны, а с другой рассматривал так называемую Гражданскую войну как конфликт, послуживший защитой этих буржуазно-демократических ценностей.

Оправдательный механизм был тесно связан с выводом, к которому стремились прийти республиканские правители: по вине экстремистов — как правых, так и левых — демократы не смогли провести свои реформы из-за радикальности конфликта; экстремисты помешали укреплению реформистских позиций республиканских партий, поддерживаемых ответственным и исторически сознательным социализмом. То, что за этим последовало, было неизбежным: братоубийственный конфликт, в течение почти трёх лет орошавший

кровью иберийскую землю и приведший испанское общество в длинный туннель, выход из которого намечался только сейчас.

Получался совершенный сценарий, чтобы встроить его, со всеми привнесёнными в историческую методологию ухищрениями, очень привлекательную схему для того актуального политического и общественного момента. К примеру, очень хорошо вырисовывались так называемые злодеи, отрицательные герои — правые силы, в составе которых также присутствовали землевладельцы, противники любых экономических новшеств, проводившие время в поглощении мансанильи, ухаживании за девушками и укреплявшие тривиальные представления о широкополых сомбреро и коротких жилетах. Также злодеем был и анархо-синдикализм с его манипуляцией безграмотными крестьянами, верующих в милленаризм, продвигающий революционные течения, заранее обречённые на поражение.

В 1970-е и 1980-е годы, как и теперь, трагичное воспоминание о военном конфликте 1936-1939 годов служило противоядием перед лицом любой критики режима, претендующего на укрепление. Выступление перед телекамерами накануне референдума о НАТО тогдашнего главы правительства Фелипе Гонсалеса¹⁵ даёт нам верное обобщение ситуации. Его манихейская позиция — «или я, или хаос» — возродила образы самых кровавых патриархальных демонов. В рамках такой нестабильной ситуации тех лет представлялось выгодным подчеркнуть и определить как историческую правду образ умеренной Республики, потерпевшей поражение из-за экстремизма. Таким образом, историографы, сами того не замечая, начинали рыть могилу своему влиянию: как только они выполнили поставленную перед ними задачу, их загнали в угол, они оказались почти не у дел в обществе, предназначенном для культуры зомби и роботов.

Таким образом, ливни, пролившиеся в те времена, образовали современную грязь. Историография нынешней Испании должна взять на себя часть собственной ответственности за упадок гуманитарных наук на сегодняшний день. Её позиция к изучению общественных движений в общем и целом и то, что она представляла историю как простую цепочку случайностей, в которой нет места утопии и сомнений, превращает её в сообщника создавшейся ситуации. История, которая служит нуждам текущего момента — перехода страны из года в год, — не позволила исследованиям найти последовательный подход к изучению общественных движений. Именно поэтому мне хотелось бы поднять ряд вопросов, связанных с идеями анархизма и его организациями, которые, на мой взгляд, если и получили до сих пор достаточное количество ответов, вполне могут быть предметом более углублённых интерпретаций, существующих на данный момент.

В исторических трудах одной из наиболее забытых, подверженных нападкам и презрению и даже осмеянным тем было присутствие культуры анархизма в Испании. В самом лучшем случае действия либертарных организаций — синдикальных, общественных или культурных — и их исполнителей были отодвинуты на роль исторических воспоминаний. Такие определения, как «неспособность к анализу», «безрассудность», «мессианизм», «утопизм» в самом уничижительном смысле этой концепции, «террористы» или «вооружённые бандиты» — вот лишь немногие эпитеты, которыми награждались анархисты. Если анархосиндикалисты из городских центров, с точки зрения новых индустриальных веяний,

действовали архаичными методами, в рамках экономического и социального развития страны, то крестьянские сенетистские синдикаты навечно были прикованы к концепциям миллениаризма, отвечающим стилю жизни и системе труда на пороге исчезновения.

Таким образом, нас не должно удивлять, что анархо-синдикализм продолжает оставаться неизвестным и, что ещё хуже, определены как исторически правдивые факты некоторые спорные утверждения, слабое место которых в том, что они построены на материалах вторичного использования. Например, на сегодняшний день и по мере нарастания незнания нашей истории, испанский анархосиндикализм рассматривается как связанный с активизмом каталонских рабочих или с хроникой происшествий. Дело уже не в том, что неизвестен сам факт присутствия анархо-синдикализма в таких местах, как Арагон или Леванте, а том, что совершается большая методологическая ошибка: историки пытаются изучать некую централизованную организацию, которая была децентрализованной, и её отношения строились на конфедеративной основе. Проблемы и события в Каталонии, привычном стержне анархо-синдикалистских исследований, не обязательно должны быть похожими на проблемы и события в Мадриде, Арагоне или Андалузии.

Кроме того, если основные идеи подходов, действие и социальный проект анархизма были так обесценены, то нас также не должно удивлять, что детальное изучение его существования, локальных причин, которые нам помогут понять его функционирование, постигла такая же или ещё более трудная судьба. Мне хотелось бы несколько развёрнуто привести недавний пример исследования, автор которого севильский профессор Антонио Мигель Берналь.

Это произведение — дань учёному, который считается одним из отцов общественной историографии Испании, несмотря на наше согласие или несогласие с его трудами. Цель Антонио-Мигеля Берналя — исследовать два момента андалузской истории в связи с аграрным вопросом — темой, занявшей важное место в трудах Туньона. Один из них известен как «случай с бомбами»; Берналь его помещает в теме «Отношения севильских анархо-синдикалистов к президенту Асанья по поводу закона об аграрной реформе»¹⁶.

Должен сразу заметить, что исследовательский труд профессора Берналя заслуживает моего самого высокого уважения; я всегда восхищался его талантом лектора на тех конференциях, которые смог посетить; что разделяю многие из его оценок и, как у многих других историков, его исследования о земельной собственности и аграрных конфликтах в Андалузии — мои настольные книги. Тем не менее в этот раз мой любимый профессор ошибся, в отличие от многих других авторов, без всякого злого умысла и не преднамеренно, так как он вновь приписывает анархо-синдикалистским организациям (в данном случае андалузским) намерения и факты, за которые те не несут ответственности. Я полагаю, что надо разъяснить эту ошибку, принимая во внимание, что Антонио-Мигель Берналь предупреждает о публикации исследования о «бомбах»¹⁷. В этом случае, как можно предположить, ещё раз в историографии будет отмечен факт деятельности анархо-синдикализма, не имеющий ничего общего с действительностью. По крайней мере, исходя из того, как это представляет профессор из Севильи. Дело в том, что Берналь под влиянием двух в принципе достоверных показаний и, может быть, в процессе редактирования текста из-за спешки не проверил библиографические ссылки и факты из газет; построил

объяснение событий, связанных с «бомбами», исходя из ошибочной даты — май 1933 года вместо мая 1932-го, когда эти события действительно имели место. С того момента тщательно подобранная связь аргументов является прекрасным примером вымысла. Потому что независимо от того, что в структурах ФАИ, как ему доверительно сообщил севильский сенетист Хосе Леон, готовилось покушение на главного виновника убийств в Casas Viejas, этот факт не имел никакого отношения к накоплению запасов бомб весной 1932-го, а не в 1933 году, после событий в этой местности.

Как неверно и то, что планировалось использовать эти взрывные средства в «новой попытке восстания крестьян и анархосиндикалистов, в стиле мятежа, потерпевшего поражение в январе 1933 года»¹⁸. Наверняка эти средства намеревались использовать в революционной акции, как пишет Берналь, но не в 1933-м, а напротив, в 1932 году, и, конечно же, не в покушении на Асанью, которое не только бы отомстило за кровавую расправу в кадисской деревне, но, кроме того, послужило бы началом нового восстания. Бомбы мая 1932 года, если только анархосиндикалисты, фаисты и члены групп Конфедеральной обороны (Defensa Confederal) обладали бы даром ясновидения, не могли быть использованы для отмщения убийств, которые ещё не произошли.

Проблемой для Берналя явилось то, что Хосе Леон и Антонио Росадо Лопес (другой выдающийся сенетист 30-х годов) путают даты в своих воспоминаниях. Мне неизвестно полное содержание доверительных бесед и документов, переданных Берналю Леоном — только утверждения опубликованного текста. Но показание Росадо доступно, и в нём детально описаны события с 16 мая, когда произошёл взрыв в Montellano¹⁹.

На основе этих двух ошибочных сведений Берналь организывает своё толкование. Ему было бы достаточно просто проконсультироваться в библиотеке или перечитать исследование о Второй республике в Севилье в какой-то мере предубеждённого в отношении анархо-синдикализма также университетского преподавателя из Севильи Хосе Мануэля Макаро Веры²⁰, с тем чтобы не ошибиться в датах взрывов: май 1932 года. Или просто нужно было вспомнить о страницах текста Жака Мориса, посвящённых этим событиям на тему анархизма в Андалузии, с прологом, написанным им самим²¹. Таким образом, если не учитывать «промах» Антонио-Мигеля Берналя, его ошибка могла бы рассматриваться как симптом некоего особого отношения в области изучения испанского анархизма.

На самом деле, каковы были хронологическая последовательность и произошедшие события? О происхождении, целях и контексте «события с бомбами» имеется информация, которая подтверждает наличие склада взрывных средств с целью попытки мятежа. Не надо ждать записки Росадо, чтобы установить их наличие. В заметках Педро Валлины, опубликованных местной прессой, где он советовал не поддерживать крестьянскую забастовку, упоминается о «предательстве... ложных товарищей»²². На эту тему в июле 1932 года также настойчиво указывает одна брошюра²³, пытающаяся пролить свет на полемику, разгоревшуюся в кругах НКТ (CNT) из-за поведения известных севильских членов движения во время взрывов бомб и крестьянской забастовки мая 1932 года.

Но если верно то, что имела место подготовка к восстанию, речь вовсе не идёт о планах покушения на президента Асанью. В те самые дни, когда были обнаружены арсеналы в севильских посёлках, мадридская пресса публиковала новости о покушениях на видных политиков²⁴. Был ли среди них Асанья? Нет, речь шла о лицах, которых сенетисты считали настоящими зачинщиками преследований анархистов — Мигеле Мауре и Сантьяго Касаресе Кироге, министрах внутренних дел первых республиканских правительств²⁵. Связь между покушениями и «севильскими бомбами» была в аресте группы анархистов в Мадриде, обвинённой не только в подготовке покушений, но также в краже сырья в Puertollano для производства взрывчатых материалов²⁶. Так, полиция была осведомлена о складах оружия. Власти признали, что держали под контролем мадридских анархистов с первых дней апреля благодаря информации, полученной от гражданского губернатора Севильи. Со слов самого Висенте Соль, «Действия мадридской полиции не являются продолжением севильской операции. Напротив, это было началом, хотя и было предпринято после, потому что так было удобнее для них»²⁷. Взрывчатка была заготовлена без соблюдения норм конспирации. «Дюжина бомб за 36 песет», — написал корреспондент мадридской газеты «Ла Тьера» (La Tierra)²⁸ в Севилье; он удивлялся, что полиция должна была ждать взрыва в Montellano, чтобы узнать о факте, известном всему городу.

Располагая этой информацией, можно лучше понять, почему капитан гражданской гвардии Лисардо Доваль Браво, начальник комендатуры в Есија, так быстро обнаружил арсеналы. Доваль был давно знаком с сенетистами — с 1926 года, во времена правления Примо де Риверы, когда участвовал в ликвидации так называемого заговора в Puente de Vallecas; и именно он будет исполнителем подавления астурийской революции в октябре 1934-го. Как очень исполнительный деятель — он использовал на службе особые методы получения быстрых признаний, как подтвердили в Конгрессе депутаты Эдуардо Ортега Гассет и Хосе Антонио Бальбонтин²⁹.

Другими словами, Берналь приходит к выводу: подготовка мятежа и использование правительством изветсных фактов совпадают с действительностью. Но не более, так как он строит свой вывод исходя из неверного предположения, поскольку возможность покушения на Асанью, как следствие событий в Casas Viejas, не представляется возможным в мае 1932 года за семь месяцев до самих событий. И также неверно то, что этот факт хранился в строгом секрете по приказу главы правительства, с тем чтобы «не давать повода для полемики относительно его действий в отношении крестьянства после Casas Viejas [sic]»³⁰. Само событие ещё не произошло.

Хотя приведённый пример был несколько обширен, думаю, что его будет достаточно, чтобы указать на пренебрежение академической историографии к изучению анархизма в Испании. Такое невнимание, как уже замечалось, часто превращается в манипуляцию, когда речь идёт об исследовании тридцатых годов этого столетия, событий Второй республики и войны 1936-1939 годов. Вторая республика в Испании родилась при огромной поддержке народа, который надеялся на то, что новое правительство осуществит перемены, обещанные его лидерами. Историк Сантос Хульб назвал её народной революцией, в которой прогрессивная просвещённая буржуазия в лице подготовленных специалистов и интеллектуалов с либеральными убеждениями намеревалась трансформировать испанское общество посредством смены политической системы³¹. Для этого она рассчитывала на поддержку

рабочего класса, состоящего в таких организациях, как ИСПП (PSOE) и ВСТ (UGT)³². Такая поддержка нашла своё выражение в Сан-Себастьянском пакте в августе 1930 года.

Падение бурбонской монархии не только повлекло за собой официальную смену правительства, но и подорвало основу общественных ценностей, господствовавших до того момента. В какой-то степени исчез страх перед хозяином, перед вождём, перед религией. Народные слои населения обрели символы своей идентичности, общество стояло на пути к секуляризации, и традиции ослабили своё давление. Рабочее движение обрело собственную идентичность, выражавшуюся в многочисленных акциях, среди которых выделялось очень важное присутствие анархизма. Дело было вовсе не в том, что на сцене вновь появилась практически исчезнувшая НКТ, но что кроме этого, её реорганизация, с сильной долей прагматизма, обеспечила расширение своих рядов. Мятежный анархо-синдикализм двадцатых годов выходил на арену, и очень активно. Его желание переделки общества должно было учитываться новыми правителями.

Но этого не случилось. Более того, неспособность республиканских лидеров выполнить свои обещания и разрешить экономические и социальные проблемы страны в конце концов привела к их поражению³³.

Когда историки говорят о том, что НКТ — революционная организация, они также имеют в виду, что она подвергла многочисленным атакам и конечному разрушению республиканское правительство. Они даже утверждают, прибегая к манихеизму, что война 1936-1939 годов — это следствие «экстремизмов» (правых и левых), которые привели к невозможности сосуществования. Однако, это утверждение верно наполовину. В течение первого года Республики — с апреля 1931-го до мая 1932 года — действия НКТ не могут быть характеризованы как революционные. Чтобы определить действие синдикатов НКТ в начале Второй республики, я приведу один пример.

Одним из конфликтов, описанных как свидетельство непосредственной конфронтации между НКТ и Республикой, является конфликт с Телефонной компанией; но, если его проанализировать, он не заслуживает такого названия. В действительности речь шла о требованиях исполнить обещания, взятые на себя республиканцами и социалистами перед приходом к власти. Сам Индалесио Прието³⁴ заявил в апреле 1930 года, что положение в телефонной компании походило на колониальный режим. Но когда была провозглашена Республика, эти утверждения канули в Лету, и когда только созданный Синдикат работников телефонной связи от НКТ призвал в июле 1931-го к забастовке, выдвигавшей экономические требования, но особенно преследовавшей цель достичь официального признания со стороны компании, правительство, несмотря на мирный характер акции в начале конфликта со стороны рабочих, отнеслось к ней как к революционному движению. Почему? В первую очередь — отвечая интересам внешней политики с целью представить успокаивающую панораму перед лицом иностранного капитала. Во-вторых — из-за одержимости идеей стереть анархосиндикализм с лица земли. Социализм был обеспокоен не только быстрым возрождением НКТ из пепла, но и тем, как она быстро продвигалась в сфере продуктивных отраслей (до тех пор в основном под контролем ВСТ(UGT), таких как Телефонная компания или железнодорожный транспорт. Следствием этого явилась агрессивная политика против НКТ со стороны республиканских министров, особенно

министра труда Ларго Кабальеро³⁵. И, наконец, из-за ограниченного характера реформ нового правительства, которое очень быстро забыло, что само его существование обязывало проведению подлинных реформ, принимая во внимание общественные силы, существовавшие в стране на тот момент.

В результате страна пришла к республиканскому реформизму, оказавшемуся неспособным решить проблемы, которые, как ожидалось, он мог разрешить. Безусловно, задачи, стоящие перед слабо организованными республиканскими политиками, были важными: прогрессирующий кризис в важных отраслях экономики (тяжёлой промышленности и внешней торговле), критическое положение в сельском хозяйстве (реформа структуры собственности была одним из знамен нового правительства), а также нескрываемая оппозиция работодателей. Однако является очевидным, что решению этих проблем не способствовала политика криминализации и «общественного порядка» по отношению к НКТ и к конфликтам с её участием. Прежде, чем выполнить ожидаемые реформы, стало очевидным, что правительство прибегало к таким же репрессивным механизмам, как и при монархии: депортация или тюремное заключение оппонентов. Кроме того, нужно иметь в виду наличие глубоко радикальных группировок, которые не сомневались в оспаривании монополии насилия со стороны государства и сами применяли насилие. Одним из ключевых элементов для понимания отношений между сенетистами и республиканскими правителями-социалистами явилась конфронтация между синдикалистскими методами прямого действия и трудовым законодательством, основанным на посредничестве административных структур, рекомендуемых социалистами. Если во избежание сенетистской экспансии любой конфликт с участием конфедеральных синдикатов превращался в проблему общественного порядка, то для окончательного уничтожения антигосударственного синдикализма планировалось навязать интервенционистские законы. Прямое действие означало неприятие посредничества государственных механизмов в отношениях между рабочими и работодателями. Обязательный характер Судов присяжных, которые являлись изменённой версией Паритетных комитетов во времена *Примо де Риверы*, представлял собой настоящую атаку на жизнедеятельность синдикализма НКТ.

Один из этих фактов насилия в рамках конфронтации между Второй республикой и НКТ предполагал не только окончательную гибель надежды относительно способности проведения реформ республиканским правительством, но также начало атак со стороны центра и правых. Таким образом, Республика стала терять поддержку со стороны рабочих, а также постепенно сводились на нет немногие экономические улучшения, завоёванные трудящимися за предыдущие месяцы. Кроме того, что касается политической перспективы, Республика после ноябрьских выборов допустила существование правительств с растущей правой тенденцией.

После выхода социалистов из правительства и подавления сенетистских восстаний 1933 года две стратегии, до сих пор характеризующие рабочую борьбу, оказались под угрозой. Испанский социализм после его изгнания из правительства чувствовал себя преданным и занял более радикальную позицию. Это произошло как под влиянием его членов, так и из-за убеждения, что его участие в правительстве было единственной силой, которая могла бы гарантировать реформистское содержание Республики. Самым известным представителем этого течения был Ларго Кабальеро, и его самая известная политическая акция — восстание

октября 1934 года³⁶. С другой стороны, НКТ переживала трудную организационную ситуацию, и кроме того, в её рядах начали раздаваться голоса с критикой действующей стратегии. Вследствие этого в конце 1933 года началось формирование нового, очень важного элемента, необходимого для понимания чувства единства рабочего класса. Ранее только миноритарные группы коммунистов провозглашали лозунги рабочего единства. Но их сектантство и зависимость от постановлений III Интернационала, а также другие факторы не позволили их идеям, призывавшим к объединению, выйти из рамок обычной пропаганды. Однако теперь сплочение рабочих появилось как условие преодоления «тупика», образовавшегося в результате тактик восстания НКТ и коллаборационизма со стороны социалистов.

Особенно когда наступление правых (радикальная эйфория, как его называли в те времена) угрожало не только свести на нет достижения первых двух лет, но также породить реваншизм со стороны консервативных кругов, которые после страхов предыдущих годов вновь почувствовали себя уверенными.

Все эти факторы изменили стратегию рабочих организаций таким образом: одна часть социалистов наклонилась в сторону левых; миноритарные группы инакомыслящих коммунистов, Левые коммунисты, Bloc Obrer i Campesol (Блок рабочих и крестьян) и синдикалисты-диссиденты НКТ в целях расширения своего политического влияния образовали в декабре 1933 года «Alianza Obrera» (Рабочий альянс); а Коммунистическая партия Испании начала изменять свои ультрареволюционные позиции. НКТ также изменила свою стратегию. В течение 1934 года синдикаты НКТ много раз выступали с протестами вместе с ВСТ (Всеобщий союз трудящихся). Так произошло в Мадриде, Саламанке, Сантандере, Сарагосе и Севилье во время национальной крестьянской забастовки, организованной силами ВСТ, в июле 1934 года. В севильской провинции был подписан договор — пакт о совместных действиях НКТ-ВСТ, который послужил примером для других последующих альянсов на территории страны. Наконец, не без сопротивления, порождённого реформизмом социалистов, невыполнения с их стороны предыдущих пактов и в противоречии с самими принципами НКТ — в мае 1936 года на съезде НКТ в Сарагосе были приняты основы соглашения НКТ-ВСТ.

Репрессии, последовавшие за революционными событиями октября 1934 года, означали практически исчезновение из общественной жизни рабочих и республиканских организаций левого толка. Мера преследований против анархо-синдикализма была такой же, как если бы его члены организовывали эти события. Кроме того, пришлось противостоять обвинениям со стороны социалистов и коммунистов в измене рабочему классу из-за того, что анархисты не участвовали в восстании. Это было неправдой, но в качестве пропаганды оказало некоторое влияние. Однако даже в создавшейся ситуации анархо-синдикалисты смогли дать новый импульс своей стратегии и не только заставили замолчать своих обвинителей, но даже опять заняли позиции инициативы. После победы Народного фронта в феврале 1936 года НКТ начала набирать силу в таких традиционных анархистских регионах, как Мадрид. ВСТ, выдвинувшая предложение Революционного рабочего альянса на съезде в Сарагосе, выступила как инициатор рабочего единства.

Именно этот факт адаптации анархо-синдикалистов к конъюнктурным контекстам республиканского правительства, не оставляя своих революционных целей, объясняет то, что после практического распада в течение большей части 1935 года в 1936-м НКТ энергично реорганизовалась и смогла, после первых моментов растерянности, отреагировать должным образом перед лицом военного мятежа на основе опыта, накопленного в предыдущие годы. Таким образом ей удалось подавить путч в различных регионах страны, превзойти политическую республиканскую «революцию» и перерасти в социальную революцию. В этом смысле испанская война 1936-1939 годов была войной социальной, а не гражданской — последней до сегодняшнего дня попыткой построить на европейской почве более справедливое общество. Умолчание этого факта — постоянная тенденция истории последних шестидесяти лет.

Профессор Пелай Пахес в историографическом обзоре о Каталонии указал, что пробелы и недостатки истории в теме войны в Испании можно считать парадигмой для остальной «республиканской зоны»³⁷. Среди этих неясностей выделяются описания перемен в политических отношениях и отношениях власти, а также общественных и экономических изменений в стране. Другими словами, огромный выпуск библиографии, в основном сосредоточенный на военно-политических темах, едва затронул некоторую проблематику и стороны социальной действительности. Незнание местных или региональных фактов, которые в большей части должны быть восстановлены, и других более конкретных вопросов сделало возможными различные исторические лакуны. Одна из самых привлекательных малознакомых тем — революционные общественные и экономические преобразования, происшедшие в те времена.

Это относительная и корыстная пустошь. В этом году исполняется два десятилетия со дня смерти победителя испанской войны 1936-1939 годов. Страницы испанских газет и журналов, а также некоторых изданий за рубежом были заполнены анализами и критикой феномена, известного как «переход» в Испании. В магазинах появились многочисленные книги, а аудиовизуальные источники информации, такие как телевидение, дополняли арсенал инструментов, с помощью которых делаются попытки установить «историческую правду» последних десятилетий политической, экономической и общественной жизни страны. Большинство этих работ имеют общий знаменатель с целью представить сегодняшнюю Испанию как счастливый результат преодоления исторического поражения, которым, как предполагалось, была «гражданская» война 1936-1939 годов. Также говорят, что нынешняя конституция 1979 года раз и навсегда положила конец братоубийственному конфликту.

Похожие мнения, как уже упоминалось, исходят из идеи, что суть драматических событий в Испании — это конфликт «между братьями»; это представление уходит своими корнями в атавистическое поведение, которое выражает лозунг слоган «Испания — другая, непохожая», усугубляемое специфичной ситуацией периода Второй Республики, а также конфликтами в Европе 1930-х годов, присутствием «примитивных» элементов, таких как установившийся анархизм и «отсталость» Испании в экономическом и социальном плане. Кроме того, нельзя забывать, что испанский конфликт был принят с огромным энтузиазмом в зарубежных общественных кругах, так как его рассматривали как первый факт всё более неизбежного столкновения с поднимающим голову фашизмом. Однако были забыты (если не

заведомо скрыты) элементы «социальной войны» этого конфликта, в котором противостояние имело место не между братьями, родителями и двоюродными родственниками, а независимо откуда исходила враждебность между различными жизненными концепциями. Также не замечают того смысла, который для многих тысяч европейцев и американцев имели события в Испании, поскольку в их понимании, речь шла о борьбе за настоящее преобразование общества.

Можно считать, что это было верно по крайней мере в первые десять месяцев конфликта. До тех событий, которые известны как «события мая 1937-го». Когда часть испанского населения в июле 1936 года противостояла мятежу военных, то это не случилось с целью борьбы против немецкого фашизма; а также не для сведения старых семейных счётов; не из-за клановых убеждений. Напротив, это было нужно для создания общественных отношений, отличных от отношений «Старого режима», которые были слишком хорошо известны, или отношений, непохожих на новую «формальную демократию» республиканского правительства. Любопытно, что в этом пункте сокрытия революционной составляющей войны в Испании соглашаются в общих чертах как «либеральная» историография, так и «марксистская», как отечественная, так и международная, несмотря на тысячи книг, исследования, академические мероприятия, разрабатывающие библиографию о войне в Испании вплоть до провозглашения этой темы как одной из «звёздных» для XX века. Мнения коммунистов и фашистов относительно событий в Арагоне в 1936 и 1937 годах³⁸ совпадают.

С моей точки зрения, «Дуррути в Испанской революции» является хорошим инструментом для пересмотра исторического смысла войны в Испании, освещения наиболее неизвестных вопросов конфликта, расчистки пути для изучения Революции и ее главных героев; эта книга говорит нам об Испанской революции как последней (до сего дня) самой глубокой попытке осуществить наиболее глубокие преобразования на территории Европы в XX веке. Она была совершена именно на арагонской земле, где имели место наиболее глубокие революционные преобразования и которая была наиболее исследована и изучена с различных перспектив³⁹. Там, вместе с варварством военного мятежа, реакция народа с выгодой для себя воспользовалась нехваткой и параличом административных местных и центральных структур. Импульс коллективизации распространился на сельскую местность Арагона и был организован в рамках региона. Таким образом установились общие или коллективные формы: в потреблении, производстве, местной торговле, в отрасли муниципальных услуг и других жизненно важных областях этих маленьких посёлков и городков. Образовалась сеть местных общин, вдохновлённых коммунистическими и либертарными идеями.

Эти факты оказались забытыми историками до такой степени, что если бы не существовали свидетельства журналистов и прямых наблюдателей, несмотря на огромное количество историографических трудов, то можно было бы подвергнуть сомнению само наличие таких событий, ограничиваясь показаниями тех лиц, которые непосредственно принимали участие в них, и немногих историков⁴⁰. Алехандро Диес Торре в своей докторской диссертации (к сожалению, пока не опубликованной), и английский историк Грэхем Келси заявили об этом и других значительных фактах с целью раскрытия полной информации об испанской революции⁴¹.

Среди них заслуживает наибольшего внимания исчезновение первичных документов революционных организаций. Испарение данных не произошло по причине насекомых или прямого утаивания. Напротив, упомянутые авторы констатировали в своих трудах обыкновенное сознательное уничтожение этих документов. Так, необходимо подчеркнуть, что первое великое кораблекрушение документации произошло не после военного поражения, а во время ликвидации «*manu militari*» арагонских коллективов силами республиканского правительства под руководством коммуниста Листерера.

Но кроме того, не более счастливая участь постигла свидетельства авторов-современников. Их часто называли «иностранными свидетелями», «галлюцинаторными», или недостаточно критичными и поверхностными. Даже раздавались голоса о существовании «анархистской историографии», образованной на основе свидетельств очевидцев, за рамками исторических категорий, в то время как другие показания (авторов-коммунистов) принимались как достоверные. Таким образом, согласно Алехандро Диесу Торре, историк «Хулиан Касанова отдаёт предпочтение фактам, представленным ведущим руководителем в регионе, от Коммунистической партии Испании, Хосэ Дуке Куадрадо (...) который написал после окончания войны (...) очень личное свидетельство и (...), с большой долей самовосхваления». Согласно Диесу Торре, мнение Касановы о том, что это является «единственным тщательным исследованием — невзирая на ошибки и ложные обвинения в адрес анархистов — о событиях, произошедших в Арагоне с момента военного мятежа вплоть до роспуска Совета» не выдерживает сравнения с другими первоисточниками»⁴².

В результате самое распространённое мнение в историографии и, следовательно, получающее название «правды» — это то, что коллективизация в Арагоне и других районах, где наблюдалось это явление, не была такой глубокой и не затронула такое количество населения, как пытались представить. Кроме того, подчеркивается, что коллективизация опиралась на давление анархосиндикалистских милиций и в лучшем случае не продолжалась достаточно долго, чтобы оценить её экономические результаты.

С моей точки зрения, вопрос не стоит в том, чтобы детально разбирать события революционной Испании тех лет, хотя это тоже обоснованно. Наша цель — демонтировать интерпретации, претендующие свести саму интерпретацию к определённым анализам, которые под маской «строгости» установления настоящих «исторических фактов», «необходимости выйти за рамки описания и перейти к осмыслению» или «расширить темы изучения»⁴³ сгущают краски исключительно в отношении либертарного движения и его изучения. С позиций социального либертарного толкования нельзя забывать или скрывать «неудобные» аспекты, также как и превращаться в слепую «агиографию». Тем не менее нельзя не критиковать те интерпретации, которые не замечают, как это происходило до сих пор, настоящую подоплёку конфликта в Испании тридцатых годов, его революционную миссию.

Нынешние времена не дают удобные условия для общественных преобразований. Однако мятежники, инакомыслящие, революционеры будут существовать в нашем обществе до тех пор, пока существует социальная несправедливость.

Речь не идёт о тоске по событиям прошлого, «золотому веку» анархизма. Речь о том, что понимание тех событий может способствовать созданию научно обоснованного подхода, в котором будет ясно показано, что концепция построения истории как простой цепи случайностей, где нет места утопии и которая служит интересам легитимации правящего политического режима, не только препятствует логическому изучению социальных движений или её собственной интерпретации, но также приводит ее к смерти как науки: после выполнения заказанной миссии она оказывается загнанной в угол, почти не у дел.

Кроме того, можно было бы начать дискуссию о войне в Испании, принимая во внимание обоснованность революционных «классических» теорий, представленных анархизмом и коммунизмом. Такая дискуссия особенно нужна после падения советского «социализма» и нынешнего кризиса мышления альтернативных групп, которые не согласны с тезисом неизбежности «конца истории» предложенным Фукоямой, или диктатурой инфотехнократической революции.

Знамя обновления поднимут не те историки и интеллектуалы, которые более внимательны к выдаче грантов, налогам и вечеринкам, чем к своей роли в обществе. Я думаю, что путь — это честность каждого в отдельности. Быть может, покажется странным или устаревшим говорить об этике сегодня. Но тот, кто посвящает себя исследованию, знает, что научная строгость прежде всего зависит от этической честности. На сегодняшний день изучение истории не может быть основано на оспариваемой объективности, которая превращается в очищенный интеллектуализм со смертельными обезболивающими эффектами. Её задача должна заключаться в рекомендациях, советах, предложениях, даже в высказывании предположений на пути поиска правды, критической истины, которая предполагает не только объективность, но и субъективность, и способность к осмыслению. И этот путь обязательно проходит через этическую последовательность историка, в которой нет места ни скрытым намерениям, ни замаскированным целям.

Версия #2

Зверобой создал 12 июля 2025 22:03:57

Зверобой обновил 12 июля 2025 22:37:53